

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. Б. Бабошина,

Е. В. Захаров

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОГО СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА Д. И. ХАРМСА

Толерантное сознание есть необходимое качество современного «культурного человека». Процесс его становления мало поддается традиционной алгоритмизации в образовательных технологиях либо требует дополнительных исследований как в теоретических, так и в практических «полях» образования. Примером исследования такого «поля» может стать творчество Д. И. Хармса.

Современный человек усваивает определенное культурное наследие, созданное предыдущими поколениями, и, опираясь на полученные знания, строит свое поведение и самую жизнь. Однако ситуация глобализации определяет и запрашивает иное качество человеческого существования, связанного с проблемой культурогенеза как вопросом об индивидуальной ответственности и самосознании. В этих условиях запрашивается и формируется новый образ современного человека – «человека культуры». Ведущими характеристиками «человека культуры» как типа социально-исторической личности выступают: 1) преемственность, 2) адаптивность, 3) продуктивность (на основе творческой направленности и рефлексивности). Сущностное понимание и соотношение этих характеристик показывает их неразрывность и взаимообусловленность, обеспечивающие целостность культурации личности. Основополагающим свойством данных характеристик выступает духовная культура как смыслообразующее ядро личности.

«Человек культуры» – личность, вошедшая в культурный контекст и вступившая в открытый и творческий диалог с самой культурой и по поводу этой культуры. Это активный и творческий носитель культуры, что предельно важно для существования и развития самой культуры. Важнейшим ориентиром к нему выступает поликультурное образование.

Согласно ведущим документам развития образования («Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года», «Стратегия развития образования»), последнее должно быть направлено на воспитание творче-

ской, деятельной, самостоятельной личности, социально мобильной и поликультурной. Однако монологическая точка зрения, доминирующая в традиционном педагогическом процессе, затрудняет интеграцию обучающихся в сверхширокую культурную и аксиологическую среду мирового сообщества.

Толерантность есть культурно-исторический продукт развития общества, отношений в нем. Если рассматривать толерантность как особое интегративное социальное качество личности, то можно воспринимать его как способность понимать и принимать культуру Другого в условиях «диалога культур» (В. С. Библер). В этом ключе «толерантное сознание» есть «со-сознание», «знающее» себя как Другого, Другого как себя. При этом наиболее важно, что в условиях обоюдного взаимодействия «Я – Ты» формируется искомое «Мы», несводимое ни к кому в отдельности. Происходит Со-бытие, то есть Встреча сущностей.

В таком понимании поликультурная личность становится «над» своей культурой, способной к ее новому творению, а в условиях поликультурного диалога – Со-творению. Этот путь познания «человеком культуры» себя и Другого.

Формирование толерантного сознания, таким образом, не есть прямой путь обучения чему-либо. Менее всего этот процесс поддается алгоритмизации или образовательной технологии. Становление толерантности как особой сознательной установки личности предполагает именно особое «поле» образования. Это «поле» трансцендентных смыслов, то есть не тех, что содержатся в самом тексте, а тех, которые улавливаются *за* этим текстом. Этот текст может и должен стать для личности «метатекстом» («сверхсмыслом»), с нею взаимодействующим. Однако характер этого взаимодействия, его качество, безусловно, во многом определены, особенно на первых ступенях познания, личностью посредника-педагога. Последний сам прежде способен обнаружить эти смыслы и этот «метатекст».

В качестве одного из путей развития толерантного сознания мы считаем целесообразным введение в образовательный курс студентов всех гуманитарных специальностей знакомство (в форме факультатива) с культурной традицией русского авангарда 10–30 гг. XX в. Исключительным материалом для решения поставленных задач является соответствующий анализ прозаического творчества Д. И. Хармса (Ювачева, 1905–1942).

В малой прозе писатель достиг максимальной маргинальности по отношению не только к литературным явлениям классического типа, но и к самим маргиналиям, представленным русским авангардом указанного периода. Так, в творчестве Д. И. Хармса нет полного отказа от «классической» модели художественного текста (понятие «классический» в данном случае противопоставляется понятию «альтернативный», а с другой – сближается с понятием «нормативный»). Д. И. Хармс, будучи авангардным автором, не был писателем «аб-

солютной альтернативы», и адекватное понимание его прозы предполагает установку на признание равноправных и синтез противоположных точек зрения на культуру, искусство и философское знание.

Данная сторона его творчества («абсолютная маргинальность»), как и полижанровость большинства прозаических произведений, отражают, по нашему мнению, стремление Д. И. Хармса вывести свое творчество за рамки одной определенной культурной парадигмы, в поликультурную среду. Так, небезынтересным фактом является намеренный, по всей вероятности, отказ писателя от «культуры национальных «запахов», столь свойственной, как он считал, традиционной литературе.

В малой прозе Д. И. Хармса представлена сложная форма взаимодействия между рассказчиком-персонажем, который обычно является образом усредненного человека с невысоким культурным уровнем, и образом автора. Последний значительно сложнее: во-первых, он производит отбор изображаемого материала и «фильтрует» речь, эмоции и мысли персонажа. Его присутствие ощутимо в каждой строчке, в каждом слове, независимо от того, кому принадлежит это слово в тексте. Во-вторых, образ автора в прозе Д. И. Хармса связан с идеей «вестника», имевшей хождение в кругу мыслителей-«чинарей»¹, или, как называл его Д. И. Хармс, «Кружке малограмотных ученых».

«Вестник» (буквальный перевод греческого слова «ангел») – наименование существа из «соседнего», возможно, не существующего, а воображаемого мира: «Вестники ничего не помнят и все знают. Всякое знание они открывают сейчас как новое и сейчас же забывают. Вестники живут только сейчас и не знают продолжения реальности – у них ведь нет памяти, память, воспоминания – ложь. Вестники не судят. Им не надо понимать слов Христа: «Не судите, да не судимы будете», потому что «не судить» входит в их природу» [3, с. 61].

Из такого понимания образа «вестника» вырисовываются особенности мировоззрения Д. И. Хармса, как познающего ускользающее бытие, «схватывающего миг» будущего в его вероятностной предрешенности. Это «поле» «Между». Выход к нему доступен поликультурному сознанию. Развитие способности к такому адаптирующему восприятию действительности становится важнейшим условием формирования толерантного сознания.

Особенности иного сознания переданы с помощью «минус-приема», то есть через отсутствие или сужение сфер изображения человеческого восприятия и жизнедеятельности, недоступных «обитателю иного мира».

---

¹ «Чинари» – неофициальная группа ленинградских литераторов, философов, музыкантов, которые в 1930-х гг. вели неформальные «разговоры» в духе «разговоров» Платона, пытаясь осмыслить наиболее существенные онтологические, аксиологические и эстетические вопросы искусства и бытия.

Это также и мировоззрение «граней». Д. И. Хармс сам себя ограничивает в выборе. Например, ограничение касается «точки зрения» (по Б. А. Успенскому) в плане идеологии, фразеологии, психологии и в плане пространственно-временной характеристики [4, с. 9–21]. Ряд ограничений наблюдается и в изображении чувственной картины мира в малой прозе Д. И. Хармса.

Являясь в значительной мере имманентным процессом, становление «Я» имеет и внешние «корни» и смыслы. Иначе человек становится таковым не столько «от себя», сколько «от Других», познает «Я» вне «Я». При этом становится человеком не только для себя, но и для других. Только в этом случае можно говорить о его самоосуществлении. В противоположном варианте формируется «вещь в себе»: замкнутое жизненное пространство такого человека сужается до пределов собственного опустошенного «Я». Без отражения и выражения в других теряется идентичность личности, становится формой без содержания. И человек уже не уверен, что его «Я» есть истинное «Я».

В то же время абсолютная самореализация личности невозможна, так как в силу воздействия множества противоречивых факторов личность в той или иной мере «обезличивается». Гипотетически возможным выходом в подобной ситуации может служить возвращение, в случае осознания личностью необходимости такого действия, к моменту выбора позиции, самоопределения, но при этом «повторный» выбор должен быть защищен от влияния внешних факторов, быть своеобразной точкой отсчета самоопределения личности, которая в случае «поля» «Между» есть точка «над», несущая трансцендентный смысл ситуации.

Но ведь сама эта точка «зыбкая и ускользающая». Она не есть гарантия – она есть возможность. Переживание этого понимания может удручать или рождать опасения. Но все же еще страшнее потерять свое «Я», которое (с позиций поликультурного взгляда на мир) теряется с момента потери Другого.

Изучение малой прозы Д. И. Хармса может, кроме прочего, служить своеобразным тренингом, защищающим личность от страха потерять истинное «Я». В произведениях Д. И. Хармса презентирована форма личности (в образе автора-«вестника»), для которой вопроса об истинности «Я», о самоопределении не существует. Это снимает напряженность вопроса и позволяет реципиенту по новому взглянуть на мир и свое место в нем.

С этой стороны толерантное воспитание с необходимостью включает в себя не только развитие индивидуальных черт личности в целях ее более полной самореализации, но становление социальных качеств, способствующих активному и творческому вхождению личности в культурный контекст.

Одним из ведущих противоречий толерантного воспитания является противоречие между развитием субъектности личности и становлением соци-

ально значимых качеств. В малой прозе Д. И. Хармса это противоречие нейтрализовано. В образе автора, организующего своим присутствием художественный мир произведений, смоделирован отсутствующий в реальности тип личности, не осознающей себя ни как субъект, ни как социальное существо.

Воспринимающее сознание в малой прозе Д. И. Хармса помещено в «Узел Вселенной» [7, с. 34], что не связано с идеей антропоцентризма и не превращает человека в демиурга, не организует оппозицию человек – вся остальная Вселенная. Человек не становится центром и целью существования Вселенной. Скорее Д. И. Хармс сближается с существующей в русской философии идеей антропокосмизма, суть которой в том, что «человек восстанавливает прерванные связи с природой и задумывается о своем месте в ней и в Космосе в целом» [2, с. 68].

Нахождение в точке пересечения всех сил Вселенной представляет уникальную возможность целостного обозрения всей Вселенной.

Подобная широта обзора могла возникнуть в творчестве Д. И. Хармса под влиянием концепции «расширенного смотрения» художника-авангардиста Михаила Матюшкина. Видеть мир под углом 360 градусов предлагал и один из первых наставников Д. И. Хармса в поэзии, поэт-заумник А. Туфанов. «Разрушение рамок предметности» создает эффект «текучести мира», заявленный Д. И. Хармсом в трактате «Одиннадцать утверждений Даниила Ивановича Хармса» [8, с. 284].

Эффект «текучести» позволяет преодолеть «периферическое изображение природы» и «плоскостное наблюдение» [5, с. 136]. «Расширенное смотрение» позволяет увидеть «мир без границ и делений».

Личность, воспитанная в одной культурной парадигме (ориентированная на индивидуалистическое либо коллективистическое начало), но благодаря текучести геополитической ситуации оказавшаяся в пространстве иной, часто оказываются не подготовленной к такой смене ориентиров. В подобных случаях человек склонен искать некую спасительную нишу, закрыться в узкопрофильном информативном потоке, свернуть все многообразие и богатство мировой культуры до одного очага, «единственно правильного пути». Подобная бескомпромиссность, варьирующаяся в пределах от агрессивной политики религиозного фундаментализма и сектантства любого толка, до противостояния глобалистов / антиглобалистов или футбольных фанатов, не позволяет личности строить себя как поликультурную.

Индивидуалистическое либо коллективистское начало не плохо и не хорошо само по себе. Однако, по мнению М. Бубера, оба эти мировоззрения, в их современной форме, как бы ни были различны их причины, «в самом существенном суть итог и проявление одного и того же человеческого состояния.

Это состояние можно определить как невиданное по своим масштабам слияние социальной и космической бездомности, миро- и жизнебоязни в жизнеощущении беспримерного одиночества» [1, с. 228].

Итак, в основе понимания малой прозы Д. И. Хармса лежит видение мира как единого целого и сочетание разнопорядковых частей, не сочетаемых, казалось бы, с точки зрения формальной логики и нерасширенного видения мира.

В философии существуют две крайние точки зрения на сущность природы, две картины мира: 1) природа как хаос, царство случайностей, слепых стихий; 2) природа как совершенная система, построенная на закономерностях.

Д. И. Хармс органично соединяет в своем творчестве обе эти точки зрения: на уровне отдельных произведений он создает образ мира Хаоса, но при обращении ко всему комплексу малой прозы как единому циклу мир организуется в линейную трехчастную структуру: «Основу существования составляют три элемента: это, препятствие (или черта раздела) и то» [7, с. 35].

М. Хайдеггер определяет сущностное положение человека новоевропейской действительности как кардинально новое, потому что в ней (этой действительности) человек действительно и впервые становится субъектом – создающим это препятствие, тем, кто составляет свою «картину мира»: «Составить себе картину чего-то – значит поставить перед собой само сущее так, как с ним обстоит дело, и постоянно иметь его так поставленным перед собой... Картина мира, сущностно понятая, означает, таким образом, не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины...» [6, с. 49]. Таким образом, в нашем понимании препятствием является сам субъект, его «Я».

В основе малой прозы Д. И. Хармса лежат оппозиции: познаваемость/непознаваемость, конечность/бесконечность, истинность/ложность. Однако данная оппозиционность в действительности художественного мира прозы оказывается фиктивной. Познаваемость и непознаваемость мира, как и прочие «оппозиции», реципиенту предлагается принимать в качестве равновеликих и приемлемых в равной степени.

Итак, становление толерантного сознания личности есть многогранный процесс целостного осмысления действительности в ее прошлом, настоящем и будущем и одновременное диалектическое снятие этого прошлого, настоящего и будущего с позиции вне времени.

Культурным принципом образования, нацеленного на становление такого «человека культуры», становится ценностное осмысление своего «Я» и окружающей действительности как ценностное осмысление основных культурных «пространств»: 1) «Я» это «Я» (культурное пространство идентичности); 2) «Я –

Ты» («Я» как Другой, «Я» и Другой, «Я» и Другие) – внутриличностное и межличностное культурные пространства; 3) «Я» в Мире – пространство культурных смыслов Бытия.

Это осмысление культурных смыслов Бытия («Я» в Мире) предполагает смысложизненные «выходы» личности в мир культуры, а также за границы культуры в мир неизведанного.

Творчество Д. И. Хармса представляет собой уникальную возможность такого «выхода».

Литература

1. Бубер М. Два образа веры / Пер. с нем. Под ред. П. С. Гуревича, С. Я. Левит, С. В. Лезова. – М.: Республика, 1995. – 464 с.
2. Емельянов Б. В. Этюды о русской философии. – Екатеринбург, 1995. – 263 с.
3. «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. / Сост. В. Н. Сажин. – М.: Ладомир, 2000. – Т. 1. – 846 с.
4. Успенский Б. А. Поэтика композиции. – СПб.: Азбука, 2000. – 352 с.
5. Токарев Д. В. Курс на худшее: Абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Сэмюэля Беккета. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 336 с.
6. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
7. Хармс Д. Неизданный Хармс. Полное собрание сочинений. Трактаты и статьи. Письма. Дополнения: не вошедшее в т. 1–3 / Сост., примеч. В. Н. Сажина. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2001. – 320 с.
8. Хармс Д. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2: Новая Анатомия. – СПб.: Азбука, 2000. – 416 с.